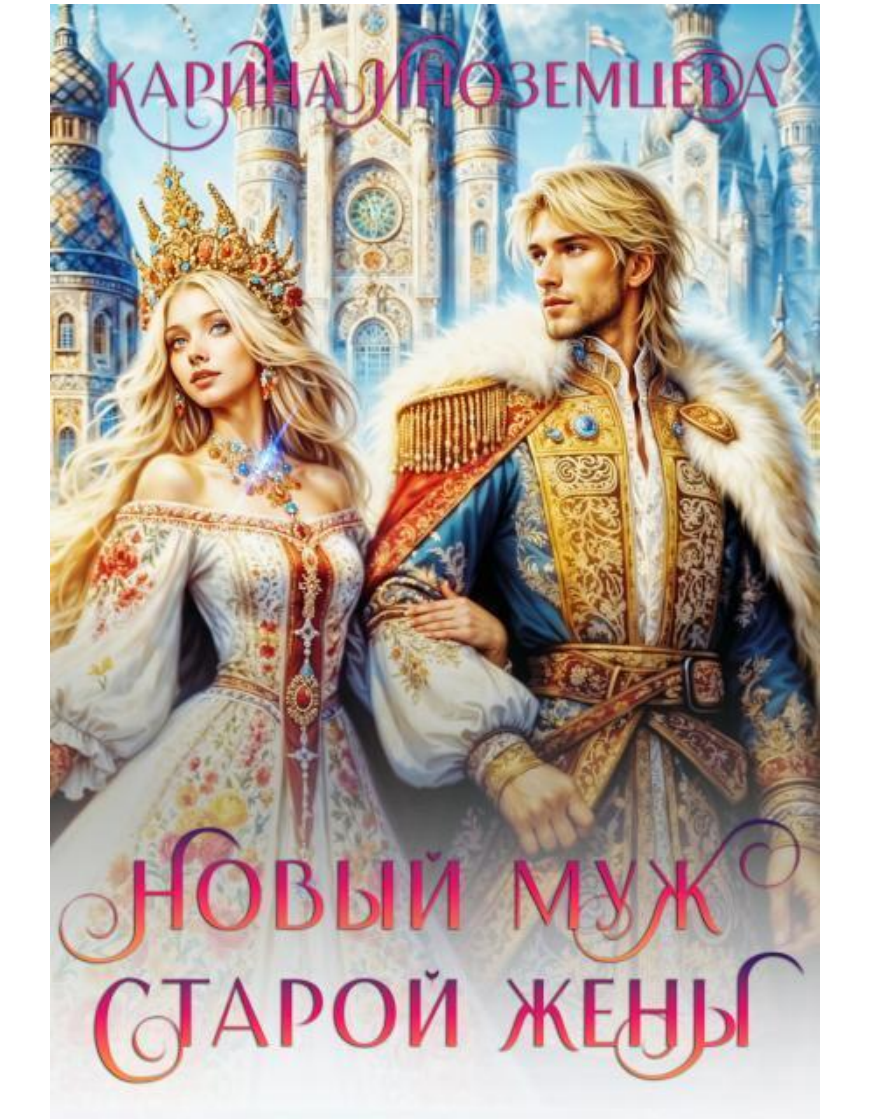

A romantic illustration of a prince and princess. The princess, on the left, has long blonde hair and wears a golden crown with red and blue jewels, a blue and gold necklace, and a white off-the-shoulder gown with floral embroidery and a red sash. The prince, on the right, has long blonde hair and wears a blue and gold ornate coat with a large white fur collar and a red sash. They are standing in front of a large, ornate castle with blue domes and golden spires under a blue sky with clouds.

КАРИНА ИНОЗЕМЦЕВА

НОВЫЙ МУЖ
СТАРОЙ ЖЕНЫ

Карина Иноземцева

Новый муж старой жены

<https://litres.ru/74345819>

Аннотация

Что делать, если твой муж-пьяница и изменник? В его кровати нет для тебя места, а про ребенка он забыл. Уйти? Развестись? В королевской чете только смерть способна снять оковы брака. А пока... Страна в упадке, в ворота бьются враги, маленького сына ждет либо публичная казнь, либо скитание и смерть на улице. Как Императрица, как мать, как женщина, что ты можешь сделать? "— Приветствую дорогого мужа. — Кто вы? — Ваша жена, и я научу вас править. Но если не хотите... В ваш мир вы точно не вернетесь"

Содержание

Пролог	4
Новый мир. Знакомство	11
Ее мотивы	14
Заговор	19
Царь, не царь	24
Признание Сурмата	29
Новый Царь познает Царицу	34
Царицино дело	39
Осознание	45
Обед	51
Конная гонка	58
Вечерняя встреча	64
Ведьма? Ведающая!	70
Трезвость мысли	76
Подготовка	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Пролог

Счастье Царя было видно издалека. Даже при малом свете от чадающих просмоленных палок. Весь сброд, что собрался посмотреть на бой между пешкой Стрекота и его людьми, скалился, пускал колкие шуточки, насмехался. Сброду было весело.

— Музыку громче! — громко крикнул Всеволод, оставаясь в одних портках и ступая голыми ногами на мягкую траву. — Праздник должен быть праздничным, что вы как на похороны собрались? Аль, мы уже хороним Марту?

Манипуляция сработала. Стрекот сам пошел к музыкантам и вытащил их на улицу: тут и гусли запели так, что ноги сами заплясали, и дудка засвистала, так что каждый себя птицей ощутил.

Закрыв глаза и расставив руки, как крылья, Всеволод дождался и Терентия, и Шарко. Правда, они до исподнего не разделись: рубахами сверкали расшитыми и сапогами начищенными. Усмехнулся Царь:

— Вы в земле-матушке испачкаться боитесь или в собственной крови, касатики?

Да, подначивал. Да, издевался. Но это возымело эффект: толпа уже с некоторым недоверием смотрела на двух разряженных мужиков. Старец Урдхей что-то сказал, и толпа засмеялась.

— Бояться пузо неизмеримое засветить. Видать, отъели больше, чем у кого-либо.

Всеволод сам заулыбался. Сейчас старец явно на его стороне. Терентий и Шарко скинули одежду и злобно посмотрели на Царя.

Правильно, ненавидьте, раскрывайте свои истинные лица, сыпьте истинными чувствами, играйте по-настоящему!

— Ну, что, друзья-товарищи, двое на одного всегда веселее, — шепнул Всеволод, и бой начался.

Сначала противники кружились друг напротив друга. Терентий старался за спину зайти или подсечку сделать, Шарко хотел в медвежьих объятьях схватить. Да, только Иван не этих времен воин: другой вид боя знает и в руки боровам попадать не желает. Прекрасно понимает, что хватка не его сильная сторона: мужика обнимать не охотно, когда даже жену пожать не успел. А расположение девицы еще получить

надобно: не за пару конфет доверие выстроится, не за пару букетов в нем мужчину разглядят. А еще... Еще надобно с родственниками жены контакт наладить, раз они колдовать умеют, то и в лягуху превратят, если что не по их будет.

— Урдхей, ты бы Улушку спать отправил. Вон она как глаза прикрывает: то ли от стыда, то ли от страха. Не мучь девушку! — весело отозвался Всеволод, чувствуя, как кровь в бою закипать начинает, а земля пружинит, будто помогает уйти от удушающих атак.

— Как прикажешь, Царь! — одобрительно улыбнулся старец и взглядом отпустил свою спутницу. Та без указок пошла к терему царскому.

— Всеволод, ты говори, да про дело не забывай! — недовольно отозвался Стрекот. — Что ты, как петух, по полю скачешь, да перьями трясешь без дела?

Знал бы торговец, какой подтекст разглядел в словах Царь. Он ведь не в этом времени жил.

— Сам, ты- петух, — процедил Всеволод и кинулся на Шарко.

Тут бой настоящий начался и не тот, к которому мужи

здешние привыкли. Кулаками здесь все помахать горазды, а вот о боксе и других видах боя с роду не знали, а Всеволод знал, практиковал, на войне применял. Иван знал, как убить, а как едва живым оставить. И сейчас перед гостями стоял неглупый Царь, а воин, призванный из Загробного мира. Что ему выпады Терентия? Что ему танцы Шарко?

Уйти с траектории удара, подсечь и накинуться на лежащего противника... Правда, последнее второй ирод сделать не дает, со спины бьет, как шакал последний. Приходится несколько раз валять "дружков", как детей малых. Исход боя ясен и понятен, но вот дружба с этим явно несогласны.

В зажатом кулаке Шарко блеснуло острие. Кинжал столь мал и вместителен что, когда руки Ивана обожгла боль, он даже не сообразил отчего. Кровь пошла, — он глупо смотрел на алую жидкость, а потом... Потом началось месилово.

Терентий старался кинуться со спины на Царя, Всеволод все внимание отдавал Шарко, чтобы не пропустить следующий удар. Терентий этих пользовался: накидывался, бил, мешался, как муха назойливая. Немного погодя, Иван изловчился и опрокинул Терентий на землю. Понимал, что у него есть лишь секунду, чтобы вывести одного противника из строя. Понимал и бил того по голове так, что искры из глаз летели, а последний удар в солнечное сплетение пришелся. В

пылу сражения не углядел за ножичком. Шарко влетел вбок и проткнул грудную клетку Царя.

"Всего лишь легкое", — подумал Иван, тяжело дыша. — "А целился в сердце. Острие коротковато".

И никто из собравшихся ни слово не говорит. Все молчат, наблюдая, как Царь их кровью истекает и дышать пытается. Урдхей что-то говорит, да куда там Ивану разобрать. Сейчас он понимает, что Стрекот все поставил ради своей дочери, и желает добиться свержения Дарьяны любым способом. Коли в нечестном бою не получится, то заговорами и интригами проймет народ. Настроит против жены всех и устроит бунт, переворот. Да и потом, не всегда Иван сможет помогать Царице: в этом теле он не один. Поэтому...

— Надо убить, — прошипел Всеволод, обращая все свое внимание на Шарко.

Иноземец вздрогнул, услышав опасные нотки в задыхающемся голосе. Испугался кровавого взгляда Царя и немного предупреждения.

Теперь Всеволод готов взяться за Шарко всерьез, и ему никто не посмеет перечить. Все прекрасно видят прямую угрозу жизни Царя и молчат. Стрекот скалится, Урдхей вол-

нуется.

— Попался! — предвкушающе просипел Иван, когда лезвие вновь проткнуло брюхо. В этот момент Царь схватил верткого Шарко за руку и заломил за спину.

Всеволод уже не мог быстро двигаться, и зрение начало подводить, а нехватка воздуха кружила голову. Поэтому только так он мог поймать врага. Поймать, вывернуть руку, повалить и услышать характерный щелчок.

Сломал! Сломал руку!

Крик Шарко разнесся над садом. Теперь, обездвижить. Несильные удары посыпались на поверженного врага, а потом... Потом в голове раздался сладкий голос Дарьяны.

— Умрешь, коли дальше колотить продолжишь. Иди ко мне, я раны исцелю, боль заговорю.

И он пошел на голос. Никого не видя перед собой, слыша лишь Дарьяну. И чем ближе он подходил, тем явственнее слова раздавались. Уже позже он узнал, что порастил собравшихся своим поведением: как зачарованный пошел к терему царицы. А ползший за ним Шарко столкнулся с Сурматом и двигаться дальше не смог.

Царь по привычке хотел через окно в терем влезть, да только сил не хватило. Сурмат сам двери открыл и Всеволода в них пустил. А там жена — Дарьяна.

В сенях темно, но жарко. То ли печь на всю греет, то ли еще что. В темноте ничего не видно, а вот тело, как оказалось, ужасно холодное.

— Надо было бой остановить, как только лезвие в свете факелов мелькнуло, — обеспокоенная девица усадила мужа на лавку, а сама за водой и травами бросилась.

Говорить Иван уже не мог, легкое что-то подпирало.

— Светлыми именами Прародителей заклинаю, светлыми помыслами путь расправляю...

Она что-то говорит, водой поливает, жар от ее рук разливается. Будто лед и пламень в ее руках, словах играют. Боль отпускает, тяжесть уходит, в голове светлеет.

—... Слово мое - ключ, замыкаю.

Новый мир. Знакомство

Тишина. Мрак окутал стены дома. Всплеск воды, неровное дыхание. Стараясь сохранить трезвость мысли, мужчина погружается в купель. Да, не в ванну и не душ хлещет упругими струями, а каменная купель принимает мужчину в свои объятия.

Совсем недавно он очнулся на руках русоволосой красавицы. Серый взгляд пристально оглядывал непонимающего гостя. Тонкие пальчики легонько гладили заросшее бородой лицо, запутывались в длинных волосах, нанизывали сплетенные колечки кос, как бусы.

Она была мила. Нет, миловидна, молода, невинна. В ее лице не отражалось прожитых времен. И он тонул, забыв о ранах. Тонул в ее глазах, тепле от рук, желание остаться с ней навек. Ах, даже не навек, простой минуты бы хватило. Давно не видывал он чистоты и девичьей красоты на поле брани. А эта дива в одной сорочке над ним склонилась. Чего уж там, в мужчине все чувства разгорелись, но требовалось хоть представиться, а после жаться по углам.

— Приветствую дорогого мужа. — тихонько прошептала.

— Кто вы? — старательно пробормотал вмиг онемевшим ртом.

— Я ваша супруга, научу вас править. Но если не хотите... В ваш мир не сумею вас отправить.

Повисла тишина неловкая, опасная. Все еще не чуя тела, мужчина попытался отыскать ответов больше, чем говорила прекрасная дива. Не так просто оказалось пробуждение.

— И что случилось... Там?

Мужчина помнил жизнь лишь как мельканье: учился, вырос, куролесил, работа, дом, семья, Афган и теплые объятия дивы. Что там? В его стране - неизвестно. А здесь есть лишь девица, играющая в жизнь.

— Там - смерть. — Жена так просто отвечала, будто не с живым общение вела, не щадя его ни чувств, и ни эмоций. — Захочешь, отправлю к праотцам. Свободен будешь. А коль спокойно отнесешься к разговору, получишь власть, страну, юных дев в покоях. Препятствовать не стану, коль ни одна на мое место не присядет.

— А что случилось с мужем настоящим?

Он понял, что девица перед ним во всем прекрасно осведомлена. Ее пытливый ум и ясность взора не просто так даны природой. В ней сила скрыта, но не та, что меч поднять способна. Нет, в словах вся мощь супруги собрана. Не просто сила, но и ум: пытливый, чистый, острый.

— Споткнулся и упал, — девица взгляд старается держать, а после прикасается к рукам, что скрыты длинным рукавом.

Стремглав настигнув белую лебедку, мужчина с силой сдергивает ткань... Там раны, синяки, и лезвия-следы на светлой женской коже. Цветет фиолетовым цветом рубец от

нестерпимых мук.

— Пусти! — кричат ее уста и морщатся от боли. — Не позволено тебе меня касаться! Я власть лишь дам, а остальное... Чернавок набери и дев хоть с чиста поля, хоть доярок, чинить невзгод не стану.

Он отпустил. Она отпрыгнула от тела мужа, будто от огня. Поправила одежду, взгляд лишь отвела, а потом тихонько прошептала:

— Всеволод взаправду поскользнулся, когда меня топил в бадье, потом упал, сломав хребтину, и не дышал. В моем распоряжении минуты были. К дару обратилась родовому и призвала тебя. Не для того чтобы судить тебя или наказать, а просто, чтобы сыночку спасти от глаза злого.

Выпалив признание, она ушла. Так и не сообщив ни имени, ни царства, что давала.

Узнав о том, что стал другим, лежал в купели и слушал щебет птиц за стенами, что дали. Судьба не так проста. Жестокий путь выстраивался пред ним.

Жена не хочет видеть лик супруга. Боится руки тяжелой и беды. За сына больше переживает, чем за мужа. Нет, не так. Из-за сына решила на ритуал и призвала другую душу.

А что теперь ему делать?

Ее мотивы

Для Дарьяны этот день начался по-обычному: нерадостно, грустно. Дорогой супруг вечером выпил лишнего и опять позволил себе больше, чем любой достойный муж страны. От усердия Всеволода на женской коже остались синие и красные следы. Вдоволь потешался супруг на застолье, давал волю не только рукам, но и ремню с пояса. Обвинял молодую в том, что народ его на смех постоянно поднимает, а ее мученицей великой считают. Приближенные царя лишь улюлюкали, раззадоривая горячую кровь в мужском теле. Разгоняли его злые мысли, подливали в чарку меда хмельного и смотрели, зубоскалили, кричали. Почувяв поддержку, супруг рванул ткани платья, оголяя светлую кожу супруги и клеймя ее тело позором. Свита взвилась, кричала, бранилась и тянула руки свои к царице.

Если бы это был совет или публичное слушание, Всеволод не посмел бы тронуть жену названную. Предпочел бы не замечать ее или сделал бы вид больного царя. Но встреча проходила в закрытом круге, где присутствовали приближенные супруга.

Белокрылой лебедке, носящей кровь прародителей, пришлось самой защищаться, спасти свою честь. Скрываясь в тени, после публичного оголения, глотая злые, обидные слезы и желая скорейшей смерти мужу.

Не было в семье Аалеев гармонии, единства, почтения. Не для любви сводят наследника царского трона и носительницу силы древней. Не для любви их супружеская жизнь была дана. Ребенка-наследника смогли сделать лишь после трех лет брака, когда народ за белокаменными стенами Всеволода стал Пустозвоном кликать. А после родов муж вовсе помешался умом: всюду ему казалось, что супруга жизни его лишит и змееныша своего на трон посадит. Мерещились ему сговоры, доносы от "друзей" подкрепляли тяжелые думы, а чем тяжелее мысль, тем сильнее бьет мужская рука юную царицу. И не спрятаться Дарьяне, не скрыться от гнева мужниного.

Боясь за себя, страшась за жизнь новорожденного сына, уехала царица в дальнюю усадьбу. Жила здесь в тишине, растила наследника, помогала искать таланты, выкупала и пристраивала рабов. Построила школу для всех слоев населения, взялась за лазарет. Любили люди свою царицу. Знали, что в беде не откажет и добрым словом назовет каждого проходящего. Посмеиваться над царем стали: мол он там на собственной кровати угольки перебирает, а у него под носом ярким пламенем пожар полыхает. Бойтся Всеволод к огню подступиться и пробу взять.

Пришел. Взял. Остался.

Да не один, а со своими людьми. Едва молодую по кругу не пустил, но Дарьяна уже успела спрятаться. А утром супруг в купальню пришел. С больной головой и задетой гордостью,

он ядом сыпал изо рта, обвиняя супругу в ее же побоях.

— Это все ты виновата! Сама под руку лезла! Кто тебя просил возле меня сидеть?! Бесстыжая! Не зря в тебе кровь проклятая льется.

— Супруг, очнись. В чем я виновата? В том, что приветливо встретила и к столу обеденному пригласила?

Он слушать не хотел. В его глазах тьма бушевала. Мужчина злобен был, вкус крови ощутив.

Замах руки.

Удар. Еще удар.

Она упала.

Навалился сверху и стал жену душить. Со всей душой и силой она с ним воевала. Но силы не равны. В ее груди расцвел пожар, как цвет весенний. Древняя сила хлынула спасать хозяйку. И вот, за секунду царь оказался мертв. В воде и без дыхания.

— Убьют, — шепнули бледные губы. — Казнят меня, а сына сделают рабом. Не жить мне больше в тишине, смирение. Забьют на площади кнутом, а имя предадут забвению.

Решение пришло стремглав. Как будто кто-то мысль-стрелу пустил.

Она упала на колени. Заговорила тем языком, которым злого зверя можно сделать добрым. Ее слова лились и силой воздух наполнялся. Заветные письмена вспыхивали золотым венцом, кружа вокруг тела лишенного души.

— Один. Всего один лишь раз, прошу, хоть кто-то! Пусть

правит, пусть бесчинствует, но то вдали от сына, от меня. А коли надобно, то пусть рвёт лишь меня. Не тронет сына. Я не позволю сделать Михаила объезженным рабом.

Держа в руках мужскую голову, она страдала. Невиданные мысли кружились над ведовскою головой. Она хотела жить, но как - не знала. Спокойствие и тишины хотелось, но судьба в другую сторону вела.

Муж открыл глаза. В них был вопрос, он потерялся в ощущениях, не знал кто перед ним и как ее зовут.

Она вздохнула.

— Приветствую дорогого мужа, — сорвалось с бледных губ.

Сила женского тела утихала. На нет сходили письма прадедов и дедов.

— Кто вы?

— Ваша жена, и я научу вас править. Но если не хотите... В ваш мир вы точно не вернетесь.

Она хотела краткой быть. Спешила рассказать про царство. Просила лишь не приближаться к ней и к Михаилу. Пообещала дальше тихо жить на удаленных землях и верной быть до самого конца, но что-то тих был новоприбывший и взгляд его был невесел. В нем не было радости от предотвращенного конца и трона.

Нахмурил брови, внимательно смотрел, разглядывал светелку, платье, воду. Нельзя было прочесть эмоций на мужском лице, но отчего-то Дарьяна знала, что в нем namного

больше боли, чем радости.

Когда стремглав настиг, прижал к себе и руки оголил, смотря на отметки злобной женской доли, застыл. Смолчал. В глаза не посмотрел. Неумело, нежно, дрожащими руками поправил платье.

Лебедка тут же за порог.

Закрыв купальню, замерла. Заставила себя дышать и тронула запястье, где всего мгновение назад коснулся муж. Он аккуратен был, но сцены прежнего несчастья мелькали перед Дарьяной, как огонь воспоминаний.

— Надеюсь, он забудется в пылу сражений, пьянок, в чужих руках и поцелуях губ. Я больше не хочу быть ни женой, ни ведой, ни маткой для детей.

Заметив на дороге друзей супруга, Дарьяна запахла платье и гордо двинулась вперед. Она не подавала вида о том, что лишь вчера случилось. Смотрела на людей сверху вниз, показывая стать и род. В ее глазах гармония и властность, а в их сердцах лишь гнев и зависть.

— Приветствуем, царицу, — с усмешкой донеслось.

Она плыла, как гордая лебедка, невзирая на злые языки и камни в спину. Ведь если слышишь сзади чьи-то вопли, значит, ты далеко продвинулась вперед. Ты не держи на дураков обиду.

Другие мысли должны занимать тебя. Надо воспитать нового супруга. Может, он будет столь великодушен, что забудет о жене?

Заговор

Разглядывая древесный потолок и чувствуя тепло деревянных стен новый Всеволод пытался окунуться в мир, где оказался. Новая жизнь представлялась не такой радостной, как расписывала жена. Но одно то, что у него есть супруга, невероятно удивляло. А то что она красивая - радовало. В прошлой жизни с девушками не получалось построить семью: у всех были завышенные требования, а простой Ванька из глубинки не мог дарить золотые серьги каждый вторник. Зато был рукастым и трудолюбивым. В этой жизни ему не надо искать подходящую партию: личико жены прекрасно, авось и характерами сойдутся. Тем более что есть ребенок.

Сын!

Кто бы подумал. Хочется уже увидеть семью в полном составе.

В комнату без предупреждения вломились два бугая. Всеволод сразу подскочил, приняв боевую стойку. Но незнакомцы не выглядели опасно. Их можно было назвать разгильдяями или подпевалами: взгляд заискивающий, голос ласкающий, а за спиной заточка.

Эх, жаль, супруга не успела посвятить в местные правила гостеприимства. Надо самому во все вникать, а позже расспросить царицу обо всем.

— Царь наш Всеволод, — поклонились вошедшие. — Мы

выполнили ваш наказ. — отчитался один с самой длинной бородой и золотой цепью на груди.

— Мой наказ? — не понимал новый царь.

— Всеволод, — по-свойски произнес второй с рыжеватой бородой. — Ты же сам говорил, что не просто так мы за тридевять земель едем и не на жену твою смотреть. Нам надобно было от наследничка избавиться. Вот, мы твои лучшие друзья и помогли тебе в этом. Собственная мать отравит сына. Ее казнят, а угрозы в виде Михаила не станут.

Услышав новость, мужчина онемел. Он мог только думать. Покачнувшись, схватил лежащий халат. Подошел к двум "друзьям" и тихо прошептал:

— Яд в еду подсыпали?

— В его любимое лакомство: тесто с медом. — ответил улыбаясь рыжий.

— Стойте здесь. Я позже с вами поговорю.

Выдавил из себя новый Всеволод. Боясь, что не успеет, затормозит или заблудится, новый царь, отец и муж выбежал во двор и замер: вокруг все зелено, природа дарит аромат полей, взрытой земли. Но некогда красотами любоваться.

Вокруг дома, на терема похожи. Все словно в старь старается вернуться. Музей под чистым небом, не иначе.

Но некогда.

Рванул царь в самый высокий терем. Взлетел над лестницей и дернул дверь. Там люди: женщины, мужчины все что-то говорят, руками машут. Увидев Всеволода, затихли.

— Где Михаил? — нашелся новый царь.

— Так, в тереме своем, — ответил кто-то.

— Тот что с краю у опушки. И матушка-царица там должна быть.

— А вы чего здесь? — окинул взглядом всю толпу.

— Так, вас ждем, Царь-батюшка.

— Ну, ждите, — ответил попаданец и дверь прикрыл.

Он вновь оказался на дорожке, что ветвилась и вела то вдаль, то вкось. Не ориентируясь на ней, мужчина побежал сквозь насаженную зелень и кустарники малины. Он видел цель, там лес виднелся. И значит, что ребенок где-то рядом.

Выскочив из зарослей и напугав девиц, он бросился к домишке и там едва не врезался, увидев двух богатырей на страже.

— Отойти! — гаркнул не своим голосом.

— Вам нельзя! — тут же пробасили ребята.

Сработали инстинкты: и вот он между мужиками, как вода, как уж скользит и тут же кидается к дверям. Но стражи не просто так стоят, успели ухватить в тот миг, как двери отворились. В щель Всеволод увидел, как рука жены к ребенку чашку пододвигает.

"Своими же реками ребенка травит", — услышал он усмешку "друга".

— Стой! — крикнул Всеволод, стараясь вырваться из рук.

— Стой! Остановись!

Он так кричал, что распугал пришедших слуг. Потом он

скинул свой халат, ворвался в дом, не видя, что и кто перед ним, раскидал все кушанья, перевернул стол и подошел к мальчишке, но тут же замер. Перед ним явилась царица. Жена закрыла малыша собой, не позволяя мужниным рукам притронуться к дитю.

— Пусть выплюнет, то что съел, — спокойно попросил отец.

Он не посмел притронуться к жене, не смог поднять ни руку, ни голос. Тонкий силуэт, в светлом платье слишком нежен был. Вину он чувствовал, смотря на лик прекрасный.

Дарьяна подняла светлы очи к мужу.

— Еда отравлена была.

В женских глазах отразился страх. Она стремглав стала вызывать рвоту у ребенка. Быстро закричала:

— Воды! Лекаря!

Вокруг все засуетились. Влетели два охранника. Один из них вернул на его плечи халат.

Всеволод разглядывал сына: светловолос, глазенки-блюдца, щеки пухлые, по детскому наивный взгляд. Их отличает только возраст, но оба той любви хотят, что подарить им может лишь царица.

Михаил держался за мать, смотрел на отца и не понимал, отчего взрослые кружат над ним.

Здесь разберется умная царица, а теперь надо наказать тех, кто совершил подобное. Самого себя не накажешь, а вот "друзья" должны заплатить за то, что думать своей головой

не умеют.

— Стража, за мной! — отдал команду новоявленный герой.

Два бойца переглянулись, посмотрели на занятую сыном царицу.

Понятно, эти люди подчиняются только жене и от нее далеко не отойдут. Хороших телохранителей смогла подобрать.

— Надо арестовать тех, кто организовал отравление наследника.

После этих слов подручные царицы сдвинулись с места. Идти по протоптанной царем тропинке, сквозь кусты и заросли, не стали, поэтому показали свой путь до купальни. А там уже стояли двое.

— Молодцы не ушли, — похвалил Всеволод, передавая хлопчиков в руки силачей. — Посадить, допросить, казнить!

Легко распорядился чужой жизнью и решил немного отдохнуть. Надо было спросить про судьбу сына и поговорить с женой, а то он тут ничего и никого не знает.

Царь, не царь

Не суждено было расслабиться царице даже с новым мужем. Ее привычные обязанности перестали быть обыденностью. Утренний завтрак с сыном превратился во спасение Михаила. Через некоторое время лекарь объявил, что ребенку ничего не угрожает, а если и есть опасность, то минимальная. Мальчик чувствовал беспокойство родительницы, поэтому плакал, но прилежно выполнял все наставления взрослых.

После промывания мальчика взяли мамки и няньки. Под белы ручки увели в комнату и стали пристально наблюдать за его дыханием, сердцебиением и цветом кожи.

Матушка-царица едва успела расслабленно выдохнуть, как в комнату вошел один из воинов – Сурмат.

— Матушка Дарьяна, извольте сказать.

— Молви, коли дело не терпит, — девушка посмотрела на своего соглядатая и поторопила с ответом.

— Царь Всеволод, на казнь своих верных бояр послал: Терентия и Шарко.

Услышав слова, царица побледнела. Вся кровь отхлынула с лица. Покачнувшись, она присела. Дрожали руки, кружилась голова.

— Пойду к нему, — промолвила Дарьяна. — Просить пойду за неразумных. Нельзя, чтобы страна страдала из-за

чьих-то прихоти, порывов и невзгод.

Едва держась на тонких ножках, забыв про сына, страх и стыд, вломилась дева в дом, что очи ее давно уже забыли.

Там царь сидит. Пред ним все яства: тарелки, полные осетры, парной репы, каши. Чернавки кружат, девки служат - все как положено царю.

Не позабыв своего места, Дарьяна поклонилась в пол.

Поняв, что не просто так невеста явилась на застолье в царский дом, Всеволод махнул рукой, отсылая прислужников своих.

Царица вновь предстала перед мужем, как солнца луч, как надежда, счастье. Красивая и статная на вид. Она смотрела серыми очами, на того, кто в мужа сейчас сидит.

— Прости, что оставила в незнание, — девица посмотрела вдруг в глаза. — Спасибо, что ребенка спас. Предотвратил ненастье. — Поклон до пола. Мужчина ком в горле ощутил. — Но чужими жизнями так просто распоряжаться нельзя. Тебя призвали не для суда, разборов. Не зная правды, ты наворишь делов. Не лезь туда, куда не надо, а то оставишь царство без мужиков.

— И что же хочешь ты? Убийц оставить рядом с тронном?
— Сжались кулаки мужчины. Он не понимал, зачем оставлять опасность рядом, ведь можно их легко убить.

— Терентий сын воеводы, что охраняет южные границы. Сейчас война. Идут сраженья. Узнав о смерти сына, рванет в твой дом вся армия полка. Останутся без богатырей гра-

ницы, царство рухнет, без боя сдав себя. — Девушка говорила ровно, четко, справно, будто тысячу ночей твердила все себе: терпи, забудь и улыбайся. Не время думать о себе. — Шарко, твой названный брат. Да и с востока, хан Бултар будет не рад, что кровь его незаконного сына, окропит твои земли. Хан горяч, суров, имеет сотню дев, не помнит кто ему и кем приходится, но скор на суд, расправу. Чрезмерной суровостью, ты привлечешь ненужные косые взгляды, а царство рухнет - вот какова цена твоей расплаты.

Мужчина тих. Встревожен он словами девы. Серые думы скопились в голове. Он понимает, что нельзя закрыть глаза на отравление дело, но и рубить сплеча, не время. Задумавшись глубоко, позабыл Дарьяну. А та окинув дом хозяйским взглядом, прошла вглубь, отворила ларь, достала сапоги и царскую ткань. Подала супругу одеянье, подлила воды, поправила в столовой ткань. Замерла, придирчиво косясь на мужа: был перед ней все тот же самодур и пьянь, но взгляд другой и говор. Не отличишь от старого, но не ругает, слушает "тупую бабу", "ведьму", "дуру". С ним просто говорить и робость здесь не та. Она боится не ора, не удара, а то что развод потребует у церкви и сына прикажет отравить, чтоб не был он наследник.

— И что прикажешь делать? — Постукиваю пальцы по столу.

— Всеволод горяч, но отходчив. Он часто раздает приказы не подумав, потом шлет меня, чтоб я прощение просила

и кланялась, неся другой приказ его. Оттого и в управление осведомлена и царские бумаги знаю. Народ привык, что все дела проходят сквозь меня. — Девица убрала русу косу от лица, продолжив: — Пойду к Терентию, к Шарко просить прощение. Но дар попросят эти два балбеса. Есть конь у Всеволода, на него давно Терентий смотрит. А для Шарко любая цацка пригодится. Он падок на золото, как баба.

— Пойдешь прощение просить за то, что не добились сына?! — глухой удар об стол.

Дарьяна вздрогнула. Раздался звон тарелок. В кувшине продолжал греметь недовольный рык супруга.

— Не тебе меня учить! — кричит супруга. — Мне надо царство сохранить, не только для сына и народа! Коль царство пропадет, меня на плаху бросят, а сына... Михаила ждет несчастней участь. Как бывшего наследника, в качестве игрушки иль раба оставят. Не жизнь тогда мила нам будет, о смерти умолять начнем. Не знаешь, чем слово может обернуться? Молчи! Так лучше будет для народа.

Под взглядом серых глаз мужчина замер. Он вспомнил ту войну, что в мире том прошел. Теперь он не боец, а воевода. Надо думать не только о том, что перед ним, но и том, что скрыто. Супруга думает, она в правление больше знает. Тем более что сам мужчина не знает никого. Но и оставлять обидчиков своей семьи нельзя.

— Прости, — Дарьяна взгляд свой отвела. Смиренье лебедка показала. — Не мне тебя учить, ты вправе всю страну

под корень развалить. Но сына тронуть не позволю!

В ее глазах разгорелось пламя и страх затронул руки. Она дрожала, боясь перечить мужу и понимая, что другой он. Она не знала души, что призвала, поэтому молчала. Старалась кроткой быть, не показывать ни норов, ни мечты. Ей сына лишь сберечь от боли надо, а остальное... Никто не застрахован от нерадостных обид и встреч.

— Я понял, — внезапно произнес мужчина. — Подумаю над извинением.

Он сжал свой кулак, стараясь не показывать своих истинных стремлений.

— Переоденусь и пойду в казарму, чтобы прощение просить, — слегка склонилась дева и свет от солнца тронул русую косу. Как будто бы корона в волосах вдруг отразилась и привлекла внимание кровь мужнею.

— Ты подойди попозже, — тихонько произнес мужчина. — Да и поговорить нам надо по душам.

Он вновь взглянула на красоту жены и тихо поздравил сам себя. Царица, русая коса, прелестный стан, красавица, характер столь спокойный, умудренный, что хочется благодарить свою удачу.

Он умер? Ну и что ж? Ведь в этом мире его ждала за все ненастья сладкая награда.

Дарьяна коротко поклонилась и вышла. Столь пристальный мужчины взгляд был нов для девушки, и странное томление вдруг разливалось от близости супруга.

Признание Сурмата

Дарьяна прочь ушла. Она хотела править. В ее руках вдруг появилась власть. Но вот судьба ее во власти мужа. Его решение может стать концом.

Царица за наследника боялась.

Раз родной отец ненавидел сына, то муж чужой способен страшное дело учинить. Непросто казнит, убьет, а страдать заставит. Неясно, что скрыто в голове того, кто смерть прошел. Хотелось Матушке-царице успокоить ум чужого престельными телами дев и сытным пузом. Пусть занят будет муж всем, кроме дел, тогда и думать о защите сына не придется.

И посвящать в проблемы царства не хотелось. Учить сидеть на троне, не было желанья. Она чернавок собирала в мужнее поместье, чтобы супруг забыл о том, что есть сын и жена — Дарьяна.

— Матушка-царица, — низко поклонился Сурмат и взглянул на светлый лик с тайными желаниями. — Всеволод позволил себе больше, чем имеет право требовать муж. Неужели вы оставите боль безнаказанной?

— Я молчу за сына, значит, обиды за другое ничего не значат. — встревоженно прошептала Дарьяна.

— Он на вашей территории. С ним, может, случиться все что угодно, — подначивал воин. — Всем известно, что Все-

волод не воин, не наездник.

— Оболтус и самодур, ты прав, — резко прервала Дарьяна суровый голос.

— Царю пора ответить за то, что он над вами совершал. Вам стоит слово молвить и здесь, на окраине царства, Всеволод найдет вечный покой.

— Явь лишится мужа, Навь приобретет неприкаянную душу, а Правь накажет тех, кто зло сплетет, — качнула дева головой. — Этот терем-дом и здесь мир нужен. Мой дар от сил неведомых, но не для зла дан.

— В этом доме зло лишь от супруга вашего! — разгорячено крикнул воин. — Вы плачете ночами, стоило ему явиться. Я не могу "не видеть" ваших слез, как делают другие. Мне счастье ваше дорого, как собственная жизнь!

Отпрянула царица прочь от воина своего. Взглянула на мужчину, поняв его мотивы.

— Была бы я простой девицей, твои слова за радость бы считала. Уверена, мне не пришлось бы жертвовать собой и счастлива быть б в твоём доме. Но жизнь дана другая.

— Если вам, царица, будет угодно, способны изменить свою судьбу. У вас есть сын, он царство взять обязан. И если не вы царя, то Всеволод найдет причину свергнуть вас. Вы знаете, что девка домавая есть у него? Она на сносях. Супруг еще ребенка ожидает. Готов Ему дарить счастье и любовь.

Дарьяна замерла, тихонько отвернувшись. Халат ее поймал лучистое тепло. Сверкнула вышивка на платье. Башмачки

тихонько прошли по полу.

Она молчала. Волновалась не за приплод царя, а за того, кто был в супруга шкуре.

Ведь правда, можно все закончить быстро, но вот вопрос - зачем, насколько? Зачем желать всем смерти, если можно управлять из тени? Насколько долго можно хранить мир, коль девица родит наследника? Сейчас Всеволод ей нужен, даже если это свяжет руки. С супругом было трудно. С чужим пока не так сложно.

Сурмат сделал два шага к деве, но та величественно посмотрела в его глаза.

— Оставь. Свои слова докажи на деле. Не тронь царя, а защищай царевича всегда. Проверь игрушки, воду, яства. Ходи за ним, как тень, и стереги во сне.

Сурмат затих. Он видел перед собой не девушку из рода древнего, секретного. Перед ним стояла мать, Царица. Она молчала, смотря серыми глазами и видя больше, чем видит воин.

Сейчас молчит, но позже может взять власть в свои руки. Ей надо лишь помочь понять, что больше незачем держаться за супруга. Сурмат поможет ей решиться .

Чернавки помогли одеться. Сказали, что Михаил пошел на поле. Пришла пора Дарьяне колени преклонить перед друзьями мужа.

Она готовилась лишиться уважения, хотя давно его лишилась. Всеволод использовал жену как собственную совесть.

Говорить о собственных желаниях царица не могла.

Идя к казарме, царица думала о том, что царь ее хоть изменился, но подхода к управлению это не решит. Их царство на грани разоренья. Царь празднует так много, что скоро по миру пойдет.

В казарме встретила тишина и пустота. Из нескольких прислуг здесь не было ни зги. Немного погодя Дарьяна вышла в сад, что окружал казарму.

Там бегали друзья супруга. Терентий тихо ныл, ползя, как старый гусь, и загребая руками землю. Шарко пытался сильным быть, но пузо по коленям било. Всеволод подбадривал ребят, крича приказным тоном:

— Пора заняться делом. Мужчина должен дом беречь, границы охранять. Негоже на чужое счастье зарится, коли свое растратил. Не будет у тебя больше, чем сам построить смог.

Мужчины бегали, а воины молчали. Смотрели на царя, что торопил вперед. Сам Всеволод бежал не чуя тяжести тела. Он привыкал к себе и разгонял всю кровь. Заметив тут свою супругу, царь остановился.

Убрав с лица волосы, он нежно подмигнул. Дарьяна замерла, не зная, что сказать. Она хотела быстро попросить прощение, но растеряла все слова, когда супруг сказал:

— Лебедушка моя Дарьяна, как песнь для сердца ты явилась. — Мужчина нежно взял ладонь и пальцев женушки коснулся ртом, показав всему честному люду свою любовь.

— Лебедушка, немного занят: друзей щаз воспитаю. А ты пока займись собой. За обедом у Терентия с Шарко к тебе немного слов будет.

Дарьяну проводили прочь. Царица не успела понять, к добру иль худу измененье в муже.

К тому же ее больше волновало, что супруг выдаст себя. А если его нечаянно спросят о том, что должен знать лишь настоящий Всеволод?

Надо поговорить с ним, заняться воспитанием.

Ну а пока, дела! Пора идти к просящим.

Новый Царь познает Царицу

Мужчина не позволил себе пролеживать бока. Долго ходить и охать о том, что в тело чужое попал, не мог. Рядом с ним жизнь продолжала, кипела. Жену и сына защищать надобно. Если бы не это, то жена молодая даже не смотрела на своего муженька. Царица ведь не простая, чернавская птица: у нее и норов, как у любой кобылки есть и взгляд на жизнь совсем другой.

Вот Всеволод о будущем страны не подумал, с горяча решил все проблемы усложнить, а Дарьяна все ему по полочкам разложила и задуматься о завтрашнем дне заставила. Теперь Царю придется самому на поклон идти. Да только гордость тихо шепчет:

— За что прощение просить? Зато, что на сына моего позарились?

Хоть и не родной, но все же сын. Несмышлёный парнишка, пахнувший домашним очагом и свежим молоком. Не дело это на ребенка руку поднимать.

Так и дошел до казарм, где "друзей" задержали. Хорошо, что сразу же им головы не снесли. Оставили до времени, пока царь одумается, и Царица с ним поговорит. Сразу видно, что местные воеводы привыкли к вспышкам гнева Всеволода и ждут подтверждения от Матушки Дарьяны.

— Ключи дайте, — обратился Всеволод к стражникам, и

те без вопросов клетку открыли, где два барина на все голоса проклинаяют жизнь безвольную.

Взглянув на двух боровов, которые подслеповато шурились на вошедшего глядя, Всеволод нахмурился. Не так о себе рыцарей древних представлял. Да и на бояр эти "чурки" похожи издали. Кафтан их красит, а тело к земле тянет.

— Чего лютуете, черти? — скривился Царь, руки на пояс поставив. — На сына моего посмели руку поднять и хотите праздной жизни?

— Так, мы это..., — молвил один.

— Все ради тебя Царь-батюшка, — дополнил второй.

Тот что с русой бородой, явно Терентием звался, а тот, что чернявый да круглолицый - Шарко величать.

— А я вас просил? Моя семья и мне в ней разбираться, а вы... — Громко рывкнул Всеволод, стараясь силой своей верх над волей чужой взять. — Вы в семью мою грязными сапогами влезли! Не вы ее создавали, не вам в ней и разбираться!

Притихли бояре, изумленно переглянулись. Впервые их друг за семью слово вставил. Обычно Всеволод над женой своей издевается, а сына своим противником считает. А тут... Грозный, недовольный Царь!

— Так, вы всегда говорили, что стоит Михаилу окрепнуть, как Дарьяна ваша коготки да зубки покажет. Не доверяете вы своей супруге, ведь из роду она древнего сильного, слова волшебные знает и колдовство творит. — попытался вразумить Терентий своего друга.

— Ее ведь в жены дали, чтобы род ее успокоить и заручиться поддержкой старцев. Вы говорили, что она хворь, да худобу способна на город наслатъ, а войско вражье в чистом поле спутать.

— Коль говорил, значит, так и есть, — не стал переубеждать всех Всеволод, а сам на ус мотал, что женка у него не из робкого десятка и на вид ее немощный не стоит смотреть. — Вы меня со Старцами хотите поссорить и жены сильной лишить? Без нее и сына нам тут не жилось бы. Раз сила ее царству помогает, то наступать на хвост полезной кошке негоже. Коли могущество женки против нас обернется, думаете, живыми от нее сбежите? Думаю, на жизнь в мучениях сможете рассчитывать. Да и я не буду рад смерти собственного дитяти. Михаил — мой сын, будущий отрок. Не вы родили, не вам и судьбу его писать.

— А как же место на троне? Ведь подросши Михаил не посмотрит на то, что ты его отец.

— А чтобы посмотрел не только как на отца, семя давшего, но и Царя царство построившего, сильным надо быть и умным. Для силы у меня есть верные друзья, сейчас только в форму вас приведем и служить мне будете, как и прежде, но статус свой укрепите.

Так и начали бегать Терентий с Шарко: коленями землю загребая и открытым ртом пыль глотая. А Всеволод все гнал своих друзей вокруг сада, заставляя двигаться и тела свои растрясывать. Сам же Царь тоже недовольно тяжесть в пузе

ощущал. Не был он огромным, но ног из-за живота не видел.
"Хоть богат, но сам не рад", — думал Всеволод, представляя, как вечером к Царице подойдет, а та к стенке отвернется, не воспылав желанием.

У Всеволода ведь с того момента, как глаза открыл и светлый женский лик увидел, все мысли о теле Дарьяны были. Казалось, что светлый взгляд серых глаз — это самая лучшая награда, для восставшего из мертвых. Вертелась умная мысль в мужской голове, что коли Всеволода из-за Грани подняли, то возможно колдунья Его душу к себе привязала и сделала бесправным рабом, но эти думы быстро разбивались. Ведь девица ему и правда понравилась, а насчет семьи, сына... Сам Всеволод был выращен в семье, где не смотрели на прошлое, а берегли настоящее и задумывались об общем будущем. И коли у его возлюбленной есть ребенок, то так тому и быть. Тем более что не чужой, хоть и пасынок.

Вскоре на опушке появилась дева, о которой Царь думал час. Она была прекрасна в платье, расшитом серебряными узорами, и косой сплетенной, как корона.

Девица посмотрела на то, что творится вокруг, и нахмурилась. Всеволод приблизился к жене и попытался ее успокоить. Царица приняла его слова и смиренно пошла ожидать обеда.

Всеволод думал, что жена послушна и тиха, пока друзья не молвили, ловя дыханье ртом:

— Она... Пошла... На слушанье... — твердил Терентий.

— Судьей прикинется, пока тебя нет. — подхватил Шарко. — Прощения, споры и решения проблемы у людей проводит.

— Все, что делать должен Царь, совершит она. Кому потом народ поклонится охотней?

Всеволод прислушался к словам друзей и понял, что Дарьяна не так проста, мила, невинна. И если хочет стать ее супругом, то должен стать равным, а то и вовсе, вырваться вперед.

К чему же приведут Царя такие мысли?

Царицино дело

Чтобы не думал, не говорил Царь, а Царица была сообразительной и умелой. Пока супруг развлекался, она брала бразды правления в свои руки, да сына рядом сажала, управленчеству обучая с малых лет. Поэтому в свои пять лет Михаил был спокойным, и все больше слушал, чем говорил и капризничал. Несмотря на малый возраст, был он тихим, взгляд проницательным. Все больше на мать поглядывал, чувствовал силу ведовскую в каждом ее слове и сам начал понимать, с какими мыслями народ к Царице приходит. В душу заглядывал своими глазенками, помыслы людские читал и слушал материн голос.

Дарьяна была не ахти какой умелицей ведовской, но силу свою знала и применяла.

Трудно было скрыть что-то от нее. Люди и сами правду говорить начинали, стоило ей прямо в глаза говорящему посмотреть. Не мог народ врать, глотая язык от вранья и заикаясь.

Вот и сейчас Царица в приемную залу вошла терема главного. Сопровождал мать маленький наследник. За руку лебяжью держал ее и морщился, ощущая щекотку в волосах от мыслей чужих, народом навеянных.

Присев на резной стул и усадив сына на место рядом, Дарьяна глянула на Сурмата, давая разрешение впустить народ

просящий.

Дела у людей в захолустье были не ахти какие: государственными делами не интересовались, о войне слышали лишь раз в десятину. Все ближе им были новости о наследстве, хлебе и спорах соседских.

Про пшеницу, кому и сколько делить в хозяйстве, Царица быстро рядила и судила. Михаил тоже в уме мог складывать, но до материных вычислений еще не дорос. С наследством было труднее, но строгий взгляд матушки заставлял людей говорить правду и те, будто перед иконой, ответ вели, выкладывая все как на духу.

— Не я это старуху-мать умертвил, а меня обвиняя, дома и участка лишить хотят. — говорил мужичок, коего дедом пора кликать. Родные дети хотят его из дому выжить и хозяйство к рукам прибрать.

В свою защиту взрослый боров, называемый сыном, вставил:

— Семья у меня большая: девять ребяток от двух женок и чернавки. Надобно наследство старшим сыновьям, а отец стар стал.

— Так что же, твои дети безрукие? Домик себе справить не смогут? — матушка нестрого вопрошала, но давление мужик все равно чувствовал. — Почему отца со двора родного гонишь? За старшими рода дохаживать принято и мудрости поучаться.

Михаил смотрел за действием, да на ус мотал: не ругала

матушка пришедших, не ставила никого под обидные слова, а только мудрые вещи доносила.

— Не смейся над старым, и сам будешь стар. Твои дети, на отца смотрят, также поступить могут.

— Да, как же! — воскликнул мужчина.

— Я вижу, отец не гонит ни тебя, ни детей твоих из дому. Живите дружно. За старшим присмотр нужен, а малым уморазуму набираться надобно.

— Он бабу, мать мою, ночью задушил! Как я детей своих к нему в дом пушу? — не унимался мужчина.

Он кидался обидными словами, прекрасно понимая, что если бы втихую отца в лес отвел и оставил на верную смерть, то прознала бы Царица. Неизвестно как, но Дарьяна и про деток малых заблудившихся первая узнавала и кулечки с новорожденными из чащобы приносила и к себе в терем пристраивала. Понимала она, что не от хорошей жизни в лес отправляют, потому старалась с Лешим договориться и не трогать глупых людей. Тот, слушая ведунью, готов был сменять чье-то брошенное дитя, на блинцы или каравай сделанные собственными руками Велесовой девки. Знала вся нечисть, что Род свой род силой жизни одарил, а в какую сторону он выливался никому не ведомо, пока мощь в окрепшем теле свободы не просила.

Если с детьми Царица как-то разбиралась, то со старшими, бывшими отроками, дело шло тяжелее. Взрослые, му свой имеют, языком владеют, ногами и руками самостоя-

тельно действуют.

Кто сам в лес умирать ходил. Бывает, в зимнюю стужу приснет под елочкой и душу богам древним отдает, чтобы домашним лишним ртом не быть и хворым телом не беспокоить. Но коли случилось, что не по своей воле уходили в чащобу и в болоте погибали, то ненастье настигало семью, что старшего за порог выставила. Чернобог принимал душу утопленника в свои лапы, и силу для возмездия давал. А как та сила оборачивалась, даже сам Черный не знал. Велика и непредсказуема фантазия обиженного родом.

А если обижен был не только семьей, а недобрые мысли на соседей держал, то можно было деревню бросать и бежать куда глаза глядят.

Не хотела Царица людей своих терять. Кто будет сеять, веять да молотить?

Потому и стояла на страже законов Древних и силой своей родовой и царским положением предотвращала распространение Нежити.

— Своих неприкаянных хватает, — ворчал старый Леший, когда Дарьяна могла сговорить очередного "брошенного" за крынку сметаны иль расшитый платок.

Потом могла род брошенного наказать.

Тиха, да спокойна Дарьяна, когда в стенах дома говорит и сына править поучает, но стоит ей о худом прознать... Не зря в этом дальнем от столицы месте, народ именно как к Матушке обращается и поперек ее указов не идет. Бояться

они и простого приказа:

— Убил, говоришь? — Дарьяна задумчиво всмотрелась в лицо старика, а потом перевела внимание на писчего, который обо всех делах запись вел. — Собирай свои листья. На месте писать придется. Седлайте коней! В деревню Бородильню поедем.

Никто не посмел ослушаться, а мужик, который о наследстве мечтал, побледнел. Плохо ему сделалось. Нечаянно негаданно, сам на свою семью взгляд сероглазый навел.

Царь издали увидел какое-то оживление, да только не успел подойти. Видел, как жена его, Дарьяна, птицей в седло взлетела. Сурмат на вороном коне рядом пристроился, придерживая сосредоточенного Михаила перед собой. Другой сторож впереди держал сухонького старика в потертой одежке, а за ними на телегу пристроился мужик, у которого в плечах аршин больше, чем бегающих, снаряжающих в путь-дорогу слуг.

— Куда это они? — забеспокоился новоявленный Царь.

— Дела рядить да людей судить, — самодовольно ответил Терентий.

— Об этом мы и говорили, брат, — задыхаясь вставил Шарко. — Уж больно вольная у тебя женка.

— Сама решает, у тебя не спросясь. Твоей волей в Царском уезде и не пахнет. — добивал Терентий.

— Все к Царице бегут, в обход господину своему. — качал головой Шарко. — Рабы, что с них взять? — недовольно

сплюнул себе под ноги и украдкой на Всеволода глянул.

Жгли слова "друзей", да только голос разума был сильнее обиды.

Новый Царь очень плохо знает Всеволода, и каким человеком тот был. Да только умная мысль держалась в голове "коли Царь был бы хорошим, то к нему другое отношение было". Правда, секреты супруги удручали. Дарьяна не то что спросить разрешения не соизволила, но и объясниться не спешила. Так и оставался новый Всеволод один одинок в новом, странном мире. Здесь вроде Древняя Русь, а с другой стороны... Он не историк, чтобы знать подробности того, то и когда происходило на Родине. Отметил для себя, что и говор странный заимел и одежда по типу кафтанов досталась.

Нет, все же надо выловить хитрую Царицу да с расспросами пристать. Не дело это, как оторванный лист незнамо где болтаться.

Осознание

Не знала Дарьяна дум мужа. Считала, что нечего мужчину в дела свои посвящать. Давно привыкла к свободе, ведь супруг за годы взросления сына, ни разу не появлялся в этих краях. А новую душу можно и, вовсе, другими делами занять. Найти то, что новому мужу здесь по душе будет: рыбалка, охота, соревнования, пиры и гулянки. Все, лишь бы затеям женским не мешал.

Всеволод не мог догнать свою супругу. Не знал, с какой стороны к коню подойти и грамоты верховой езды. Так и смотрел в спины удаляющихся всадников.

— Шустрая, — произнес мужчина, понимая, что не рады ему в этом мире. С женой он разве что парой слов обмолвился, с сыном мельком виделся. Отдали ему, как игрушку, друзей-братков и успокоились. — Ночью поговорим. С царицей спать ляжем, расспрошу все!

А пока суд да дело, а на двор закатился обед умело.

Целая делегация из мамушек, нянюшек за бегающими ретивыми молодцами пришла. Та, что в цветастом платке, рушник подала, к земле склонилась и чистым голоском запела:

— Царь-батюшка, подкрепиться тебе пора. — Женщина смотрела ясным взором и дарила сладкую улыбку. — Я сказала, чтобы любимые тобой яства ставили.

— Спасибо.

Всеволод с интересом смотрел на ласковую девушку. Та зарделась и стеснительно взгляд отела.

— Было бы за что благодарить. Я ведь о здоровье вашем молодецком переживаю.

Женщина, в окружении нянюшек прочь пошла, а два друга к царю подскочили:

— Смотри, Марта какова. Стать видна, но не властна. Красотой не обделена, но не задирается. Хорошую ты себе девку выбрал в услужение. — хохотнул Шарко. — Хотел бы я, чтоб и мне такая ноги ночью мыла.

— В наших краях такой традиции нет, — скривился Терентий. — А в остальном ты прав, Марта идеально подходит для успокоения чресл.

Всеволод внезапно понял, что перед ним любовница стояла. Видать, не только "друзья" о ней знают, но и все местные жители, раз в услужении у Марты няnek больше, чем у Царицы.

Похоже, в покоях у Дарьяны Царя ни днем, ни ночью не ожидают.

— Но эта девка не в пример Гульнаре, что кротко ждет в столице, — напомнил вдруг Терентий.

— Еще одна? — выскочили слова удивления у нового царя.

— А то ж, — не заметил Шарко восклицания Всеволода, — Гульнара на сносях. Куда удаль молодецкую девать?

Удальцу, любая сила к лицу! — друг хлопнул мужчину по плечу, не замечая окаменевшего выражения.

"Не только в кровать к Царице путь заказан, его и на порог не пустят, с такими "постельными победами", — рассуждал Царь стороны той государь.

Кстати, а какой стороны? Что за княжество-губерния?

— Так-с, Яхонтовое то царство. — пришло время Терентия удивленно рот открывать.

Сделав вид, будто пошутил, Всеволод притих. Нет, все же прийти к Царице надобно. Хотя и нет любви между супругами, и связь их лишь на царстве закреплена, а негоже жене от мужа бегать и за чужими спинами хоронится. Красива Дарьяна своей непохожестью на Марту. Долгий светлый волос и пронзительные серые глаза не могут проиграть красивой, но покорной девочке.

— Хочешь жену свою проведать? — в купели мужики продолжили истинно мужской разговор. — Правильно, зайди, проведай. А то Сурмат-воевода на нее засматривается, — хохотнул Шарко, скидывая пропитанную потом рубаху. К нему тут же сгорбленный старичок в ноги бросился, поднимать одежду. — Взгляд от царицы не отводит и постоянно поодаль от нее стоит. — Заметил Шарко.

— А давеча, когда ты, Царь-батюшка, супругу на ужин пригласил, да всех ее слуг и приближенных за дверью оставил, Сурмат готов был терем сломать. — серьезно продолжил Терентий.

— Особливо разъярился, когда услышал, как ты ее по щекам бить начал. А уж когда она вскрикнула... ты одежду разорвал, отдавая женское тело на общий смотр, он с твоими дружинниками в драку полез. — сладко жмурился Шарко, буд-то вспоминая нечто прекрасное.

Плохо стало Всеволоду от слов "друзей". Уж такие подробности прошлого царя знать мужчина не хотел. Зато теперь прекрасно понимал, что от него ожидают. Понял и то, что хоть и есть у него жена и ребенок, но не семья это вовсе. Супружница царская своих людей бережет, себя защищая, а ребенка от царя подальше держит, чтобы у шизофреника не было возможности тронуть дите. В свою очередь, Царь не гнушается любовниц за собой водить и людей своих по губерниям возит.

— Стенка на стенку, — прошептал Всеволод, обливая себя водой, смывая пот и пыль. — Говорите, Сурмат исправно защищает свою Царицу? — громкий голос Царя раздался в купальне.

Притихли любители поговорить. Они и рады бы что-то сказать противное, едкое, скабрезное, да только при взгляде на потемневшего лицом Всеволода все слова испуганно разбежались.

В предбаннике повисла злобная, ненавистная тишина, в которой было слышно лишь шум падающих капель, да незаметный старичок, вжавшись в угол, тихонько охнул.

— Отчего же вы, братья мои, не вступились за Царицу,

когда мой разум помутился?! — зарычал Всеволод и повернулся к мужикам.

Глаза царя налились кровью. Мужчину передернуло от осознания, в чем именно теле он оказался. Не мог поверить, что у Всеволода не было даже уважения к женщине, что стала женой и родила сына. Пусть недоверие и нелюбовь были в этом браке, но первичные человеческие качества должны преобладать над болезненными мыслями предательства. Хотя бы на людях они должны были изображать добродетельную пару.

Ярость выжигала знаки ненависти в груди. Кровавые глаза смотрели на притихших друзей. Кулаки Всеволода сжимались от бессилия и собственной беспомощности. Мужчина хотел понравиться жене, а нет, она заочно ненавидит тело, в котором тот оказался.

— Не подойдет сама, сам приду, — прошипел мужчина, отбрасывая ковшик в сторону. — А ты кем будешь? — решил отвлечься царя, разглядывая в темном углу тощего старца.

— Тек-с банник я, батюшка, — бухнулся коротышка на пол и замер неподвижно. — Прислуживаю мужикам в бане.

— Смерд он, — тихо произнес Шарко, радуясь, что гнев друга прошел. — Долг выплачивает.

— За землю небось? — более миролюбиво спросил Терентий. Старик кивнул. — Еще его дети платить будут, ежели уже не платят.

— Рабы? — скривился царь.

— Кто-сь? — не понял старик.

Не понравилось Всеволоду, что в древности есть, то отчего в будущем давно ушли.

Вот и тема для разговора с царицей нашлась. Надо научить ее и от рабовладения отойти. Пусть цивилизация приходит.

Обед

Красный кафтан, расшитый серебром и золотом, приятно охлаждал мужскую разгоряченную грудь. В светелке вместе с Царем сидела Марта. Она с улыбкой наблюдала, как милому подают сафьяновые сапожки и корзно. От шапки Всеволод отказался и не знал, как вести себя с той, кто явно метит на место царицы.

— Как вам? Милая вышивка? Эти нити доставлены с завода батюшки. Он шлет вам свой поклон, светлый Царь.

Марта плавно, будто павушка, подплыла к мужчине и повязала пояс, обнимая. Новый Всеволод отвел взгляд и тут же отстранился, не позволяя себе смотреть на женщину. Смешанные чувства бередили сердце.

Что делать со всеми женщинами, если каждая знает о сопернице?

— Обед не ждет, светлый Царь, — ласково завлекала Марта, своими алыми устами.

— Царица прибыла? — отозвался Всеволод.

— Нет, — растерялась павушка и бросила взгляд на челядь, что отстранилась после своих прямых обязанностей.

— Обед без царицы? — удивленно и строго вопрошал светлый царь.

— Вы сами не хотите видеть ее облик рядом, — смутилась ласкающая девушка.

— Пока царица не явится, обедать не стану, — строго произнес Всеволод и отстранился от ухаживающей Марты. — А пока, коня мне подайте. Гулять пойду.

Растерянная Марта взглянула на челядь и, поджав сахарные уста, кивнула.

Прислужники бросились коня выводить и стремя подавать. Рядом тут же ставили скакунов Терентия и Шарко. Выходили стражники, которые готовились сопровождать царский картеж. Только Всеволоду не по себе было. Желая на скакуне поездить, он не учел, что сопровождение набежит. Да и люди косо на него посматривали, ведь если царь не отобедал, то и остальные голодные ходят.

Решив, что не его это дело, Всеволод кое-как в седло забрался. Оказалось, что в расшитом серебром и золотом кафтане не так легко прыгать и скакать. Пришлось снять и оставить подарок Марте. В простой рубахе корзно выглядело глупо, поэтому и плащик отправился в руки растерянной любовнице. Чувствуя себя победителем, пусть и не мира, а живого коня, Всеволод решил медленно научиться верховой езде. Но чтобы никто и ничего не заподозрил, скомандовал:

— Едем за Царицей-матушкой, женой моей, богом данной. Только если она сыта будет, я тоже трапезничать начну!

Приказ Царя удивил народ, но вида никто не подал. Много ли разных глупостей у взбалмошного правителя на уме может быть? Наверное, опять Дарьяну страдать заставит.

Конь шел медленно, и царь успел привыкнуть к живому

существо и его ходу. Не так трудно ездить верхом, если совсем стараться не шевелиться, и держать узду.

Вокруг было огромное поле, засеянное пшеницей, а ворота царской усадьбы давно пропали из виду. Имелся и лес, а раз стояла деревня и город, то рядом должна быть полноводная река. Все это мелькало на пути в деревню. Там царица выносит приговор и ведет дела, забыв о новом царе. Может, и не забыло, но явно не желает разговаривать. Наверное, властью делиться не хочет. Считает, что глупый царь быстрее потеряет место и оставит трон для наследника. Хитрая, расчетливая, раз терпела все унижения самодура и выставляла Всеволода-царя мразью, а сама в глазах народа была мученицей и мудрой женой. Таких женщин история любит и к лику святых причисляет.

Всеволод рассуждал, а новая душа наслаждалась тишиной летнего дня и жаром солнца, которое не заслоняют серые тучи из гари и копоты. Здесь был свежий воздух, аромат прелой травы после сенокоса и мирно жужжащие пчелы. Была тишина и мир, а там, где вырос мужчина, о таком только мечтали. Неужели, царица за власть готова мужа родного удавить? А что, если народ не согласится и поднимет бунт? Что там народ, они лишь пешки. Дворянство, или как их в данной эпохе называют? Бояре? Что скажут те, кто имеет власть рядом с царем, а не царицей?

Марта вон, сразу об отце напомнила. Видать, крупный местный деятель, раз дочь свою в постель царю пристроить

смог. Гульнара на сносях тоже не из деревенских. Если она родит сына, то, возможно, Яхонтовое разорвут междоусобицы. Но видно, что царица все это понимает и пока терпит. Ключевое слово "пока". Ведь неизвестно отчего предыдущий Всеволод умер. Не просто так ведь тело царя новую душу впустило. Не так проста Царица, раз душу из иного мира призвала. Все ее ведьмой кликают. Сильная не физически, а разумом и мощью своей до Неба достала. Надобно с ней контакт наладить. Пусть Дарьяна списала нового Всеволода со счетов и решила разбираться со всем сама, но сам мужчина не готов быть ширмой. Он может помочь своей Родине не сгореть в огне противоборств.

Вот и деревня показалась. Медленным конным шагом, около часа езды. Не так далеко. А все расстояние до деревни — это поля с золотистыми хлебными колосьями. А вон и мельница, о которой Всеволод лишь в книжках читал. А это околица? Частокол окружал деревеньку от леса, а со стороны города не было ворот. Заходи, кто хошь.

А вот и Сурмат, исправно несет службу по охране царственной супруги.

Завидев процессию Всеволода. Охранник напрягся и вышел вперед. Кажется, Терентий и Шарко правы были, говоря, что командир готов голову положить за спокойствие любимой. Это хорошо, будет беречь жену, несмотря ни на что: ни на чин, ни на род.

— Прочь, смерд! — ругнулся Шарко. — Царь царицу ви-

деть хочет.

Пока два балбеса говорили, Всеволод смотрел на деревенский люд. Он думал увидеть оборванных голодранцев, но здесь стояли вполне себе откормленные, чистые и одетые люди. Старики в цветастых платках, косынках на лавках вдоль дороги сидели. Малышня на крыши домов, сараев залезла. Белые, расшитые рубахи пачкая. Отроки на завалинке примостились в красных сарафанах и с расшитыми поясами. Все светловолосы — светлоглазы с румяными щеками и добрыми глазами. Нет в людях ненависти или угрозы. Не в рабских условиях живут и как люд обычный встречают.

"Царь?" — шепчутся старики. — "Чего ему надобно?"

Не любят здесь лишь одного — Всеволода.

— За женой своей пришел! — не стал дальше слушать домыслы людские и сразу обозначил свои намерения. — Обедать пора! А как муж может насытиться, коли его жена и глотка воды не сделала? Как мужик может счастье почувствовать, когда супруга его, богом данная, вся в делах и заботах, света белого не видит?

Оторопел народ.

Мужики бороды почесали и усмехнулись.

— Царь дело говорит! Где муж, там и жена! С одной миски есть должны, один дом вести, одно потомство воспитать!

Загомонил народ. Поднялся на дороге целый деревенский полк.

— Слезай, Царь-батюшка, — позвал какой-то мужик Все-

волода. — Всем обедать пора. Стань гостем нашим, званым, дорогим.

Пока слезал с коня и пытался ноги вместе поставить, народ уже столы на улицу вынес и ткаными скатертями закрыл. Лавок собралось на всю деревню, и снедь понесли со всех домов.

Никто им не приказывал, еду не забирал, а на столе оказалось достаточно, чтобы обед устроить.

Небольшая светловолосая фигурка с ребенком смотрела на все это и молчала. Возле Дарьяны стоял неизменный Сурмат и кривил губы, смотря на происходящее.

— Пойдёмте, отобедаем, дорогая супруга, — оттеснил Всеволод охранника и предложил жене свое плечо.

— Что вы творите? — тихо спросила девица, удерживая Михаила рядом. — У людей съестное отбираете.

— Они сами захотели. Не отказывать ведь в угощение. А мы позже им подарок какой сделаем. Отблагодарим за хлеб и соль. — миролюбиво произнес мужчина.

— Весь мир хотите на свою сторону привлечь? — строгий взгляд мазнул по лицу супруга. — Стараетесь, внимание нерадивой и нелюбимой уделяете. А как же ваши Марта и Гульнара? Что их отцы скажут?

— Мне сейчас важно найти общий язык с настоящей женой. Добрая жена дом сбережет, а плохая — рукавом разнесет. Так, на моей Родине говорили.

Отчего-то Дарьяна смутилась и взгляд отвела. Тихо ска-

зала:

— Умные люди у вас на Родине. Мы с Михаилом действительно проголодались.

— Расскажите, зачем сами в деревню поехали? — поинтересовался Всеволод.

Конная гонка

Дарьяна, света белого не видевшая из-за забот царских и интриг государственных, к людям относилась с осторожностью. Михаила держала при себе, боясь, что его отравят или прибьют по злой воле. При себе держала собственных воинов во главе с Сурматом. Сурмат был богатырем из чужого народа, но сам староста, волхв Волков, определил его своему дитя.

— Не бывать тебе в доброй воле у люда, потому тебе силу надобно иметь свою.

Правду говорил старец. Не снискала царица любви у мужа. Проклинала каждый день супруга. Но, получив нужное, сына царского, успокоилась. Недолго Всеволоду царем быть, пусть пока вволю натешится, в игры со знатью играя.

Так и жила Дарьяна, теша себя надеждами на будущее. Научила ее доля недобрая, женская терпению и смирению. А в сердце всегда огонь Велесов пылал. Сила Рода по крови бежала. Нет-нет да прибегнет к чародейству родовому.

А когда новую душу в тело царское позвала, не знала куда старую девать. Не время его к праотцам отправлять. Мировой порядок за всем стоит, и его нарушение плохо скажется на чародее, творившем волшебство. Проще мертвую душу из глубин времени призвать, чем живую вне очереди к Маре отослать. Оттого душа настоящего Велеса в этом мире задер-

жалась. Правда, пока неизвестно, где и чем это обернется.

Зная про душу мужнею, которая по миру ходит, и про нового жителя тела Всеволода, царица дум была полно горьких. Не верила она ни в слова Царя нового, ни в его действия.

Даже после разрешения проблем деревенского мужика не сразу поняла, зачем Царь приехал и что он хочет. Михаила к себе прижала и к Сурмату поближе подошла.

Только улыбался новый муж, ластился, как кот мартовский. Руки, как царице подавал и следил за ней, как за супругой настоящей. Даже Михаила поприветствовал за руку.

Обед прошел успешно, плавно в ужин перетек, а потом и в ночь, когда мужики деревенские песни петь начали, да гулять голубок-девиц приглашали.

Дарьяна поняла, что делать в деревне больше нечего, и пожелала отправиться домой. Сына пора укладывать, да самой за документы садиться. Документы не простые, все государственную важность имеют. У кого жалобы, у других прошение, все из дальних мест под взгляд царский. Только давно этим царица занимается, пока супруг дорогой в пирах и милвании живёт. Все дела ждут царицу.

А тут Всеволод новый. Предлагает назад на одном коне ехать.

— Давно ли вы в стремя ногу правильно ставить стали? — тихо спросила девица. И на свою лошаденку бодро взобралась.

Сурмат юного царевица подхватил и на Царя победонос-

но взглянул. Раззадоривали Всеволода взгляды косые. Не о своем положении думал, а о том, что мужик чужой к его жене близко подходит. Лошаденка царицы миролюбиво на жеребца воина поглядывает, а на царского мерина фырчит недовольно.

— Накормили нас деревенские. Не пожалели живота нашего, — поторопился царь за коняшкой супруги.

Не хотела сближаться царица с чужим человеком, но понимала, что мудрой должна быть. Потом легонько припустила свою лошадку, надеясь, что неопытный Всеволод отстанет, испугавшись и пожалев себя. Но царь был неробкого масштаба. Поняв, что супруга побег замышляет, тронул своего коня подгоняя.

— Вам бы все о животе своем думать, царь-батюшка, — насмешливо заметила девица и улыбнулась, понимая, что быстро от нового супруга не уйдет. Разгорелся азарт в крови молодецкой птицей себя почувствовала под ясным взглядом сокола-охотника. — О людях совсем не думаете.

— Подумал, — кивнул своим мыслям мужчина и к лошадке голубки приблизился. Почувствовал себя волком, дичь свою загоняющим. Блеск в глазах и сила в руках прибавилась. — Думаю, как бы их от рабст... Повинностей перед царством избавить и волю дать. Не дело это нашим братьям под чужими желаниями ходить.

Царица тронула лошадку на рысь переходя и ходу прибавляя.

— Волю хотите дать? — задумчиво проговорила девица.

— А зачем?

— Чтобы вволю хлеба сажали, вволю ели, вволю строились. — разглагольствовал мужчина. — Что они в услужение, как черновые работники, всем родом ходят? Дети за отцами повинность отрабатывают.

— Интересная мысль о свободе, — задумчиво произнесла девица, пускаясь в галоп. — Надо у невольников спросить.

Лошади уже мчались впереди огромной процессии, и даже Терентий с Шарко не смели прервать разговор двух правителей. Не только прервать, но и опередить царей боялись. Уж очень ожесточенная борьба была между супружеской парой. Со стороны казалось, что оба наездника быстротой коной доказывает свою правоту.

— А что их спрашивать? Обрадовать и раздать вольные. Отпустить, и пусть радуются свободе, — разглагольствовал мужчина.

— В твоём мире все вольные? — перекрикивая топот копыт, вопрошала девица. Ее волосы выбились из причёски, а лицо зарумянилось, украшая серые глаза.

— Да.

— Совсем никто и никому не должен, и все счастливо живут? В долг у богатых не берут? Работают бесплатно? Государство, как ведет дела с внешним миром? Воин нет? На войну все добровольно идут? Строят всем миром? Торговые отношения за спасибо ведутся? — захваченная жаром пого-

ни, царица кричала, а ветер ловил ее слова и доносил лишь часть иронии до Всеволода.

— Ну, у нас зарплата есть.

— Все же есть тот, кого остальные господином зовут. — усмехнулась девица, пока волосы трепал ветер. — Чую, что большая власть не у царей находится, а у бояр толстосумых. А коли бояре с деньгами и людьми управляют, то и законы свои диктуют. Не царство это у вас, коли всякий мусор правила свои царю ставит. У нас две церкви, две веры друг друга грызет и на царское место засматривается, а у вас? Коли добро хочешь сделать, не лезь туда, куда не просят.

Вот и ворота города показались. Красная от погони, с растрепанными волосами, как у вольной девицы, царица неслась будто сама хотела вырваться из оков плена, но сильный конь царя нагонял. Всеволоду оставалось лишь крепче держаться и сцеплять зубы, чтобы они друг о друга не бились.

Быстрый бег завершился, когда царица в пылу азарта свою молодую лошадку поставила на дыбы, показывая всю статью породы и собственную женскую красоту тела и духа.

— Надобно у самих невольных спросить, хотят ли они этой свободы, — хитро улыбнулась простая девушка, покрытая волнами русых волос и блестящим взглядом.

Если бы царь увидел Дарьяну впервые, то тут же бы влюбился в эту легкую, воздушную и сильную женщину. Было в ней что-то неуловимое, магическое, сильное. Взгляд колдовской пленил, а милая улыбка обманывала. Но мужчина был

рад обману, ведь сейчас, ощутив собственную свободу и победу, Дарьяна улыбалась, как самая простая, счастливая девушка. По-настоящему оживали серые глаза, а русые волосы золотом сияли на солнце.

— Спросим, — тихо любовался мужчина.

Вечерняя встреча

Царь-девица была довольна своей победой. Видимо, до свадьбы была неугомонной ведьмой. Вот только брак подрезал ей крылышки и заставил терпеть многие унижения. Царь Всеволод сам отчего-то улыбался. Наверное, потому, что увидел прекрасную улыбку супруги. Она, как лебедь белая, слетела с лошади и приземлилась аккуратно, будто боялась потревожить матушку-землю. Только сейчас переселенец заметил, что шаг у царицы ровный, спокойный, будто не идет, а летит. Ткани свободного сарафана едва шевелятся в движении, а косы... Что ж, косы сейчас рассыпались волнами русых волос по ровной спине.

— Я удивлена, — с довольной улыбкой произнесла жена и подарила прекрасную улыбку. — Не думала, что подселенец сможет нагнать мою кобылу.

— Человек всему учится. Когда-то и ты, моя лебедка, ходить по земле не могла. Няньки за ручки белые держали. — достойно ответил Царь.

С уважением посмотрела, светлоглазая на сокола своего. Ее губы разомкнулись, чтобы молвить еще что-то, но тут подъехал Сурмат с маленьким Михаилом.

— Матушка! — просительно позвал сын, и девица тут же подошла к ребенку.

— Негоже помощи у матери просить, коли сам можешь с

коня слезть. — поучительно настаивал Сурмат, помогая пятилетнему мальцу спуститься.

— Если ему нельзя быть дитем сейчас, то потом он не станет достойным мужем, — парировала царица.

Всеволод улыбнулся. Дарьяна всегда и со всеми остра на язычок, а не только с ним. Но при этом черту не пересекает: культурно и мудро мысли излагает.

— Доброго вечера, царь-батюшка, — раздалось за спиной царя.

Марта черноокая стояла рядом с мужчиной и ласково улыбалась, едва не раскрывая своих объятий, чтобы приветствовать вернувшегося любовника.

— Добрый, — сглотнул мужчина вязкую слюну и опасно покосился на законную супругу.

Что же будет между двумя красотками?

Марта, как всегда, стоит в окружении мамок и нянек, закутанная в вышитые платки и сарафаны, расшитом ярким бисером. Красота полюбовницы яркая, подчеркивается каждым стежком и алой помадой на пухлых губах. Царица на ее фоне выглядит скромнее. После соревнования так вообще на простоволосую девчонку похожа. Светлая кожа, светлый волос и серые глаза, в которых только и виден зрачок. Но аура силы кружила вокруг простенькой фигуры. И это не только из-за того, что Дарьяну окружали личные воины в количестве пяти штук. Взгляд почти бесцветных глаз был наполнен мощью и несгибаемой волей.

— Вы должны поприветствовать и меня должным образом. — Дарьяна смотрела на Марту и казалось, что сейчас не две девицы стоят, а два воина скрестили свои мечи, отводя каждый свою честь и правду.

— Прошу прощения, Царица Дарьяна, не заметила. Доброго вечера. — с той же вежливой улыбкой произнесла черноокая. — Я подумала, что рядом с Царем простоволосая деревенщина, не чтящая веры.

Всеволод почти увидел, как Марта произвела атаку, высекая искры на острие Дарьяны.

— Как жаль, что в княжестве Рубинском не учат культуре и почтению. — "Отразила" выпад царица, — добродушно улыбнулась девица. — Только ткать учат, как трудолюбивые паучки.

Царь побледнел, видя, как побагровела Марта от невысказанного "ты - работающая паучиха" от царицы. Не желая находиться посередине двух огней, мужчина решил свести всю перепалку на нет, но его опередила Дарьяна.

— Прошу прощения, мне надо приготовить сына ко сну. — Вежливая улыбка царю и растянувшийся оскал полюбовнице мужа. — А вам пора приступать к вечернему омовению царя. Возможно, в этот раз у вас получится понести. Найдите темное местечко и обязательно положите топор под перину.

Гордо повернувшись, Дарьяна двинулась прочь. Ее взгляд еще раз мазнул по молчаливому мужу. Всеволод увидел в ее глазах пренебрежение и даже брезгливость. Михаил даже не

взглянул на отца. Его уводила мать, под конвоем воинов.

Решив, что так не должно быть. Все же, он - Всеволод, какой-никакой отец этому мальчику.

— Михаил, доброй ночи. — Быстро приблизился Всеволод и едва не врезался в выросшего перед ним Сурмата. — Сладких снов хочу сыну пожелать.

— Видимо, у царицы нет времени, чтобы обучить сына культуре, — тут же проявилась Марта и с наслаждением оставила слово за собой в молчаливом сражении двух любовниц.

— Кому бы слово молвить, — внезапно произнес Всеволод, ощущая, как Марта ему все больше не нравится.

Отчего-то все собравшиеся замолчали и с немym удивлением посмотрели на своего царя. Одна Дарьяна, ни слова не говоря, повела свое сопровождение и сына прочь. Она так и не переплела свои распущенные волосы, они водопадом лились по прямой спине.

— Милый? Голубь мой, — подошла ближе Марта и тронула рукав белой рубахи разгоряченного царя. — Свежо вечером. Я кафтан принесла, хотела улыбкой и теплом приветить, а вы мне слово молвить не даете.

Девушка надула сахарные уста, но с немym прошением в лицо мужское продолжала заглядывать. Царь хотел мимо пройти, супругу свою нагнать, но Марта вновь на пути его встала.

— Голубь мой сизокрылый, не любя я тебе стала? Не нра-

вится моя любовь, забота?

— Жена должна и любить, и греть, — бросил Всеволод, но заметил в глазах полюбовницы злобный блеск. Недоброе задумала девица. Надо было ее планы потревожить и усыпить бдительность мелкой пташки.

— Отчего не супруга за мной ходит?

— Царица прежде всего Матушка. Матушка для царя, для сына, для народа. Негоже ей праздными вещами заниматься, — произнесла девица. — Царь мой, вы меня проверяете? — встревожилась птичка. — Коли неразумной кажусь вам? Простые истины вопрошаете и пытаетесь обязанностей лишить.

— Хорошо. Что там ты должна сделать? — Всеволод потерял из виду небольшую группу во главе с Дарьяной. Проследил, где скрылись и пообещал себе быстро с Мартой разобраться.

— Вечернее омовение, милый голубь. — счастливо улыбнулась девица.

Всеволод ожидал, что его в баню проводят и баннику с рук на руки отдадут. А там, после помывки, он к супруге уйдет, но что-то пошло не так. Наверное, с самого начала надо было заметить, что в предбаннике никакого невольного рабочего не было. Только стол и снесь встречали своего гостя.

Царь подумал, что банник ожидает в бане, но та была не затоплена. Лишь черпак и бочка с колодезной водой стояли. Хорошо, что мужчина скинул верхнюю одежду, оставшись в

длинной рубахе.

— Голубь мой, — скрипнула дверь.

Марта неспешно вошла в баню. Девушка была в белой сорочке, которая очерчивала прекрасное женское тело. Темные волосы струились по спине, а наглые наверхия груди тянулись в сторону царя.

Тряпку с какими-то склянками Всеволод попросту не заметил. Куда уж там заметить? Думать в данной ситуации становилось трудно!

Как у любого мужика, который долгое время не видел настоящую женщину, кровь заиграла. Молодецкое нутро требовало своего. Что-то на краю сознания кричало и билось, наслаждаясь прекрасным видом.

— Я не хочу купаться. — выдавил из себя Всеволод, с трудом прикрывая глаза и делая шаг к двери.

Марта с понимающей улыбкой отставила прочь банные принадлежности и легким движением рук спустила с плеч тонкую белую тряпочку. Теперь все, что Всеволод лишь представлял, предстало перед ним в своем лучшем воплощении.

— Я помогу расслабиться, — прошептала девица, принимая своим мягким телом к мужской груди.

Ведьма? Ведающая!

Все вольные и невольные люди поместья могли наблюдать, как из окна предбанника вылезает почти раздетый Царь. Надсадно пыхтя, подбирая длинные полы рубахи и постоянно оглядываясь назад, правитель бежал от бани, будто в ней парились бесы. Что-то шепча и потряхивая головой, бо-соногий мужчина неся через небольшой палисадник прямо к палатам Царицы-Матушки.

Почему к терему Царицы?

Всеволод не просто так избрал это здание своей целью. Терем возвышался над землей и смотрел на мир сразу шестью окнами-глазницами. Этот дом нельзя было не заметить и пройти мимо. Палаты царские были годны лишь для царской четы, но по итогу Всеволод жил отдельно - в тереме, что созерцает небо всего четырьмя окнами-очами. Царские хоромы заняла царица с сыном и свита.

В тереме царил полумрак, хотя царица не экономила на свечах. Дарьяна считала, что свет ночью надобен для благого дела: приказы почитать, умную книгу полистать, мысли благопристойные записать. Зазря свечи не жгли. Но и во тьме ночное обмывание не проходило. Лучина едва давала лицезреть зрелое тело Матушки. Невольница Марья неспешно и тщательно обтирала тело царственной особы. Уже не дивилась девица тому, что нет на теле ни родимых пятен, ни роди-

нок, ни шрамов. Слишком стара Марья, чтобы считать "чужое счастье". У старушки было одно дело: тряпицу в травяной отвар макать и тщательно, с нежностью тело юное обтирать. А Дарьяна в это время на тени смотрела, да руки с ногами поднимала, чтобы немного помочь черни. Тени прыгают по стенам, а в окошко заглядывает темное небо с россыпью звезд. Убаюкивает тишина, голову к лавке клонит.

Но тут... В окошке мелькнула тень. Да не простая, а самая настоящая, белая! О таких сказывают, когда о покойниках страшат или полуночницу в мыслях представляют. Но не было от тени духа Навьего. Да и Правь не при чём в данный момент.

Подслеповатая Марья поначалу не заметила гостя ночного, а когда в окне блеснул чей-то нехороший взгляд, охнула и осела наземь.

Окно аккуратно отворилось, и в светелке, где Царица обмывалась, ввалился Царь. Откинув волосы за спину и прикрыв тело тряпицей, Дарьяна потешно охнула, а потом негромко спросила:

— Муж мой, верно, не в те хоромы завалился?

— В те, в те, — опасливо оглядывался Всеволод.

— Марта заскучает, вас ожидаючи, — поддела красавица.

В этот момент в себя пришла старая Марья. Она подслеповато шурилась, пытаясь разглядеть гостя. Голос царя узнав, слуга признала хозяина и тихо удалилась прочь.

— Что же ты, Дар-р-рья, — исковеркал ее имя супруг. —

Чужим бабам мужика своего подкладываешь. Не стыдно потом люду честному в глаза смотреть? Ты ведь Царица! Детишек должна рожать, ради процветания страны.

— Это вы, Царь-Батюшка, должны плодить и приумножать свой род. А женщины могут быть разными. Единственное различие между мной и Мартой в том, что люди в первую очередь видят царевича, а потом вынуждены признавать бабстарда. Но кто из детей станет истинным правителем? Будет зависеть от матери, — хитрая ухмылка мелькнула на лице девицы.

— Значит, отец здесь совсем ничего не делает для сына? — отряхнулся мужчина и пригладил растрепанную бороду.

Его сейчас мало интересовало почти голое тело женщины. Всеволод ощущал себя быком осеменителем, от которого ожидают только потомства, а потом, пока мясо не "состарилось", отправят на убой.

— Царь-Батюшка для народа, города, страны. Это непраздное обращение... — спокойно сообщила девушка, скромно прикрываясь простыней.

— Да, я понял, что Матушка должна смотреть за благопристойным видом страны, семьи, а Царь должен плодиться и размножаться, но не с женой, а то она прослышет гулящей.

Мужчина со сталью во взгляде посмотрел на притихшую Дарьяну и быстро подошел к Царице.

— А если мне жена приглянулась и я хочу сделать ее своей?! — грозно нависла тень над небольшой женской фигур-

кой. — И детей я хочу только от нее!

Мужчина более не сдерживал себя и отнял тонкую ткань из слабых, не знающих работы, ручек. Простынь была откинута прочь. Перед взором Всеволода предстали хрупкие, светлокожие плечи, вздернутый подбородок и огромные, наполненные непоколебимости глаза.

— Вы не имеете права на мое тело, — с ноткой холода и строгости прошептала Дарьяна.

Девушка не бежала, не кричала, но на мгновение в воздухе почти заблестел воздух, прокаленный неизвестной силой и отдающийся тревогой в груди. Сердце мужчины замерло, будто его схватили ледяные пальцы смерти. Тяжело выдохнув, Всеволод увидел пар от собственного дыхания. Встревоженный, он посмотрел на молчаливую Дарьяну.

... Она улыбалась...

— Ведьма, — сбиваясь на каждом слове, выдавил из себя мужчина.

— Ведающая все грани бытия, — усмехнулась девушка и легко встала с лавки. — Твоя душа еще не закрепилась в теле. Где-то рядом бродит душа настоящего Всеволода. Стоит тебе чуть расслабиться, и ты потеряешь контроль над телом, данным в этом мире.

Девушка двигалась медленно. Каждый шаг пленил своей волшебной поступью. Вокруг девичьей фигуры искрился и дребезжал воздух, пропитанный ведовской силой. Длинные волосы, казалось, двигались будто живые, а тело... Тонкое,

прекрасное тело светилось изнутри.

— И пока твоя душа не закрепится в теле, тебе лучше не испытывать никаких сильных чувств. — понимая свое могущество, произнесла девушка. — Мне под силу чары Велеса, но к чудесам Мораны я не имею доступа. Лишь направление дается по тропинке Нави.

Всеволод все слышал, все видел, но сказать ничего не мог. Его тело будто замерзло, застыло и не хотело шевелиться. Лишь через время кончики пальцев ощутили, как по ним пробежали маленькие искорки.

— Тогда прикройся, — зашевелился мужчина. — Если тебя трогать нельзя, то я не собираюсь спать с другими девушками. — Передернув плечами, тем самым скидывая остатки оцепенения, Всеволод заявил: — Если нужно цельное и сильное царство, надо в собственной семье разобраться!

Мужчина все еще не смотрел на девушку, но почувствовал ее теплую улыбку. Воздух наполнился сладким ароматом цветов.

Ночью в царских палатах горели свечи. Царица восседала за огромным столом и читала вслух прошения, доносы, отчеты. Всеволод сидел рядом: учился читать, писать, узнавал окружающий мир. Над чем-то они с царицей смеялись, особенно когда какой-то помещик жаловался на коня, который отвязался и куда-то исчез, а через несколько месяцев пришел и привел с собой жеребенка. Помещик просил прощение за то, что недоглядел и лошадей теперь больше, а же-

ребцов меньше. Над чем-то думали: отослать дерево на перекрытие крыш или оставить для торговли. А что-то Дарьяна специально не читала, говоря, что эти документы не стоят потраченного времени.

Но кто знает, что именно написано в тех строчках? О войне на границах? О перевороте? О тайных доходах? Тайной гвардии? Какие секреты скрывает царственная особа, которая ведает прошлым и стремится создать будущее?

Но не о секретах думал Царь. Его влекли блики от света, свечи на женских щеках, тени от длинных ресниц и алые губы, которые читали письма так, будто говорили древнее заклинание.

Первая ночь, когда Всеволод прикоснулся к светлой коже, стала самой памятной. Ведь сейчас два совершенно разных человека, которых разделяет не только эпоха, но и само понимание мира, говорила так, будто знали друг друга много лет. Царица умело обходила "острые углы", а Царь терпеливо не замечал этого.

Всеволод хотел видеть утром такую же улыбку, которую девушка дарила сейчас. Но утром... Утром...

Утром он не проснулся...

Трезвость мысли

Утром Всеволод был... С собой...

Заснувший на лавке и заботливо укрытый стёганым одеялом, мужчина резко открыл глаза и упал на пол. Он не понимал, где находится и почему ему ужасно холодно. Казалось, что душа Царя погрузилась под лед и пребывала там неизмеримо долго, одновременно покрываясь липкой вонючей слизью.

Первое, что сделал, настоящий Всеволод, было громкое и зычное:

— Терентий! Шарко! Где вас бесы носят?!

Уже по голосу Дарьяна поняла, что лучше к супругу не подходить и вообще, притвориться тенью. Это не ее призванный из иного мира, а самый настоящий Всеволод. Но не успела девица выскользнуть из комнаты, как услышала:

— Что я делаю в палатах ведьмы? Опять эта расхристанная моего семени захотела, чтобы дитя зачать?! Стража! Стража!

Сурмат важно вошел в светелку, перекрывая остальным дружинникам обзор. Расправив широкие плечи, Сурмат взглянул на визгливого Царя и ухмыльнулся. Ничего не говоря, мужчина огляделся и нашел Дарьяну, стоящую около дверей. Она была готова покинуть эту комнату прямо сейчас, пока ее защитник рядом. Воевода понял мысль девицы и ак-

куратно махнул рукой, приглашая женскую фигурку скрыться за полом мужского кафтана. Царица быстро юркнула под руку и степенно вышла из собственной спальни, где всюду разошелся Всеволод.

— Нечестивая! Нечестиво твое тело и душа!

Мужчина кричал и пытался встать, увидев маневр жены. Зачем он так делал? Ни миру, ни людям не было известно.

Позже он потребовал кумыса, а потом медовухи, а в палатах Марты его угощали редким отваром, который отец любовницы прислал для услады царя.

Царица, знавшая и понимавшая, что ничего путного в таком состоянии муж не может сделать, решила отдаться воспитанию сына. Единственное, о чем она молила богов-прародителей, это о том, чтобы Всеволод не вспоминал о существовании жены.

Не повезло.

Вечером Всеволод призвал к терему Марты свою единственную жену. Будучи в нетрезвом виде и не со всем здравой памяти, Царь повелительным тоном начал:

— Доколе, жена моя, наше царство будет закрыто от заморских купцов? — нетрезво шепелявил мужчина, косясь на тоненькое тело.

В этот раз Сурмат стоял рядом с Дарьяной и грозно наблюдал за потешающимися воинами Всеволода и лоснящуюся от ласк Марту.

— Супруг мой, верно, запомнил, что царство нахо-

дится в состоянии войны и торговцы могут быть наемными убийцами. — заговорила девица.

— Какая война?! — всплеснул руками Всеволод. — Смотри! У тебя полно мужиков, которые готовы сражаться, а они до сих пор не призваны. Границы кто беречь будет? Пушай идут защищать границы, раз ты их так бережешь и не дове-
ряешь мужу.

— Терентий и Шарко тоже измучились от безделья. Негде им молодецкую удаль показать и широкой душе разгуляться.

Дарьяна решила бить в те же места, в которые метит супруг. Раз он решил затронуть приближенных Царицы, то и его люди не останутся без внимания. К тому же науськивания Марты не могут до добра довести. Ишь ты, ушлая девица решила границы открыть ради процветания дела папочки, а царскую семью со свету сжить.

— Ша! — крикнул царь. — Супругу своему перечишь?! — грозно прикрикнул Всеволод. — Приказываю! Открыть торговлю с иноземцами! А кто против, тот будет повешен, как заговорщик против короны!

Приказ был отдан. Змеюка Марта счастливо улыбнулась, а пьяный царь... Свалился на землю при всем честном народе.

На следующее утро призванный Всеволод открыл глаза и не мог понять, где он находится и почему ему так плохо.

— Во-о-оды, — простонал страдалец.

— Выпей лучше пива, яхонтовый, — рядом оказалась участливая Марта.

— Опять ты? — резко дернулся Царь в сторону и тут же схватился за голову. — Где Дарьяна?

Марта нахмурилась и отставила прочь холодное пойло.

— Царь, я так быстро стала вам негожа? — плаксиво протянула полюбовница.

Да только царь уже полз прочь из комнаты, едва передвигая ноги. Не отвечая на упреки и стенания Марты, мужчина вывалился в руки какого-то бойца.

— К Царице Дарьяне! — сипя и кряхтя, приказал Царь.

Дарьяна сразу поняла, что к ней принесли призванного мужчину, поэтому козней и ссор строить не стала, а начала хлопотать, чтобы муть из тела вывести и ясность мыслям вернуть. Да только как только Всеволод очнулся, сразу стал сыпать обвинениями и упреками в сторону "Хитрой Ведьмы", "Велесовой Гуляке", "Позорнице". Сурмат отволок брыкающегося и верещащего Царя к Марте. Любобница решила, что скрасить жизнь царя можно лишь снадобьями заморскими, поэтому принялась поить разными алкогольными напитками. А в следующее пробуждение Всеволода опять тащили к Дарьяне, чтобы та поставила его на ноги, как требовал умирающим с похмелья голосом бедный Царь.

Около шести дней мужчина ползал от Марты к Дарьяне, ругался и молил, пил и дебоширил, обещая, что больше не глотнет ничего из рук полюбовницы.

Надоело на все это смотреть Дарьяне, и она приказала запереть царя в зале для приема гостей. Самые богато укра-

шенные палаты с выступом для красивого трона не были приспособлены для пьяных. Не было теплых перин, сладких речей Марты и ласковой руки, выпивку наливающей. Холодные стены, пол, застланный коврами, и тяжелая деревянная мебель в виде всего лишь двух массивных стульев на возвышении. Полураздетый, в заблеванной сорочке Царь бегал по залу и голосил:

— Я Царь! Слушайте и повинуйтесь! — бегал из угла в угол мужчина, напялив ковер от порога, как плащ. — Выпустите меня! Я Царь!

Но крепко были закрыты ворота, а двери охраняли люди Дарьяны. Зря Марта пыталась проникнуть внутрь и помочь хмельному Всеволоду.

— Я старшая подруга Царя-Батюшки! — грозно прикрикнула Марта на охрану, которая даже не думала шевелиться, чтобы пропустить любовницу. — Никто, кроме Всеволода, не смеет меня трогать!

Женщина специально шла вперед, желая, чтобы охрана расступилась, боясь, коснуться второй по значимости "царской супруги".

Марта делает шаг, потом еще один и еще один. Стражник почти поддался натиску любовницы, как за ее спиной появилась величественная Царица.

— Марта, вы хотите нарушить мой приказ? — послышалось тихое, вкрадчивое.

Женщина постаралась не вздрогнуть, но от холода по

спине едва не отпрянула прочь.

— Негоже Царя одного запирасть. Он ведь приказ отдает. На волю просится. — Приосанилась купеческая дочка.

— Коли Царь, слово собственного не уразумее и день с ночью путает, не супруга ли Царица должна о его здравии печься? — хитро вопрошала дочь волхва-язычника.

— Не о здравии вы печетесь, Царица, а о собственном благополучии. — Откинула косы парные Марта. — Гости скоро на пороге будут. Царь надобен, чтобы дела торговые вести.

— А коли знаешь, что о лике Царственном забочусь, зачем собственного любовника подставить хочешь?

Вздрогнула Марта. Не хотела она раскрывать свои секреты, да только заметила, что Царь странным стал. Да только она решила, что все зависит от выпивки. Вот когда пьян и весел Всеволод, то тянется к Марте. Как только похмелье приходит, то к Дарьяне ползет. А Марта хотела показать Гостям, что ее слово главнее Царициного. Тогда б и дела все велись через Марту, а тут... Дарьяна вмешалась, и вновь похмелье будет у Всеволода.

— Мне надобно с Царем о завтрашнем приеме поговорить! — важно изрекла Марта.

— Поздно лясами точить. Пора и тебе на боковую. Коли поздно ляжешь — красу молодую потеряешь, — не поддалась Дарьяна, еще и стала наступать на любовницу супруга. — Красу потеряешь, Царя разбудишь. Не в духе Мой муж будет и велит прутьями тебя отстегать.

— Не велит! — самоуверенно заявила Марта.

— Тогда я велю! — грозно произнесла Дарьяна. — Указ Царицы решила нарушить и без наказания остаться? Как только твоя ножка окажется на пороге зала, ты получишь сотню плетей! — строго произнесла Царица. — Открыть двери в палаты!

Дверь стража открыла. На полу залы лежал пьяный и грязный Царь. Он сладко спал беспробудным сном и во сне почвакивал губами. Его тело валялось посередине огромного пола, а ковер служил ему одеялом.

— Прошу, — пригласила Дарьяна, но Марта отчего-то злобно фыркнула, разглядев бессознательного любовника. Гордо развернувшись, Марта покинула "поле битвы". — Закрыть двери, — новый Царский приказ. — Как только кто-то попытается проникнуть внутрь, докладывать мне! — спокойный приказ и полуулыбка на женских губах.

Подготовка

Всеволод проснулся, когда чьи-то руки теребили его уши. Открыв один глаз, увидел светлый образ Дарьяны. Она была обеспокоена и трогала уже не только уши, но и плечи.

— Вставай, Всеволод. Вставай, ясно сокол. — шептали малиновые губы.

— Накрасилась. — прильнул мужчина щ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.